

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Федеральное государственное автономное
образовательное
учреждение высшего образования
«Южный федеральный университет»**

**Академия психологии и педагогики
Кафедра личности и консультативной психологии**

Лягусь Павел Алексеевич

**МОТИВАЦИОННО-ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
КУРЯЩЕЙ И НЕКУРЯЩЕЙ МОЛОДЕЖИ**

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
по направлению подготовки
37.03.01 - Психология**

Научный руководитель -
Зав. кафедрой психологии личности и консультативной
психологии
кандидат психологических наук, доцент
АПП ЮФУ
Гвоздева Дарья Ивановна

**Ростов-на-Дону - 2026 г.
Оглавление**

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МОТИВАЦИОННО- ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КУРЯЩИХ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ В ПСИХОЛОГИИ.....	7
1.1. Феномен табакокурения как психологическая проблема и объект аддиктологии.....	7
1.2. Внутриличные и мотивационные предикторы никотиновой зависимости у молодежи как последствия табакокурения.....	12
1.3. Психологические механизмы компенсации личностных дефицитов при различной выраженности никотиновой зависимости в молодом возрасте.....	15
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	20
ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВАЦИОННО-ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КУРЯЩЕЙ МОЛОДЁЖИ.....	23
2.1. Цель, предмет, методы и программа исследования 	23
2.2. Распределение курящей молодежи по выраженности никотиновой зависимости.....	28
2.3. Сравнительный анализ выраженности самоотношения, межличностных отношений и актуальных потребностей у курящей и некурящей молодежи.....	30
2.4. Взаимосвязь между уровнем никотиновой зависимости, самоотношением, межличностными отношениями и актуальными потребностям у «курящих» людей.....	32
2.5. Обсуждение результатов.....	33
ВЫВОДЫ ПО 2 ГЛАВЕ.....	35
ВЫВОДЫ ПО ВСЕЙ РАБОТЕ.....	38

ПЕРЕЧЕНЬ ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:	40
ПРИЛОЖЕНИЯ	45

ВВЕДЕНИЕ

В молодом возрасте курение часто выступает не столько физиологической потребностью, сколько внешним симптомом глубоких мотивационно-личностных деформаций. Период ранней взрослости сопряжен с решением задач межличностной интеграции, формированием устойчивого самоотношения и автономизацией. Дефициты в этих сферах приводят к тому, что табакокурение становится способом компенсации неудовлетворенных потребностей и регуляции внутренних состояний.

Для понимания психологической природы этой аддикции необходимо исследовать её не как изолированную привычку, а во взаимосвязи с целостной структурой личности. Здесь на первый план выходят такие конструкты, как структура актуальных потребностей, самоотношение и стиль межличностных отношений.

Актуальность исследования: обусловлена необходимостью перехода от чисто профилактического подхода к изучению личностной детерминации данного аддиктивного поведения. В частности, недостаточно изученным остается вопрос о том, как индивидуально-психологические характеристики - такие как локус контроля, уровень тревожности, склонность к риску и особенности мотивационно-потребностной сферы - коррелируют с формированием и поддержанием никотиновой зависимости у современной молодежи.

Цель исследования: выявить взаимосвязь уровня никотиновой зависимости с мотивационно-личностными особенностями курящих молодых людей.

Объект исследования: мотивационно-личностная сфера лиц молодого возраста от 18 до 28 лет.

Предмет исследования: взаимосвязь уровня никотиновой зависимости с актуальными потребностями, компонентами самоотношения и типами межличностных отношений курящих молодых людей.

Гипотеза исследования:

Курящая и некурящая молодежь может характеризоваться разными особенностями самоотношения, особенностями межличностных отношений и актуальными потребностями.

Задачи исследования:

Теоретические задачи:

1. Изучить отечественные и зарубежные психологические подходы к изучению феномена табакокурения как психологической проблемы и объекта аддиктологии.

2. Рассмотреть психологическую характеристику молодого возраста и предпосылки формирования привычки табакокурения, ведущей к аддиктивному поведению.

3. Теоретически обосновать роль внутриличностных и мотивационных предикторов никотиновой зависимости у молодёжи как последствия табакокурения.

4. Изучить психологические механизмы компенсации личностных дефицитов при различной выраженности никотиновой зависимости в молодом возрасте.

Методы и методики исследования. В исследовании применялись следующие методы и методики исследования: метод теоретического системного анализа литературы; метод

тестирования (Тест Фагерстрема на никотиновую зависимость (Fagerström Test for Nicotine Dependence, FTND), Тест-опросник самоотношения (ОСО) В. В. Столина, С. Р. Пантилеева, Методика диагностики актуальных потребностей личности (по классификации А. Маслоу), Тест диагностики межличностных отношений (ДМО) Т. Лири (в адаптации Л. Н. Собчик)), методы статистической обработки данных (U-критерий Манна-Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

Математико-статистическая обработка проводилась в программном пакете IBM SPSS Statistics 26.0. С помощью U-критерия Манна-Уитни определялись различия показателей между группами курящей и некурящей молодежи; коэффициент ранговой корреляции Спирмена применялся для выявления характера и силы взаимосвязей между личностными параметрами и выраженностью никотиновой зависимости. В качестве значимого был выбран уровень $p < 0,05$.

Ход исследования:

Эмпирическое исследование осуществлялось поэтапно и разворачивалось в единой логической последовательности. На первом, подготовительном этапе производился подбор и обоснование диагностического инструментария, определялись критерии формирования выборки, а также разрабатывались бланки для фиксации возраста и стажа курения. На втором этапе происходило непосредственное эмпирическое взаимодействие с респондентами, а точнее сбор данных осуществлялся в индивидуальной форме с соблюдением принципов добровольности и

конфиденциальности; испытуемым предлагался унифицированный тестовый пакет, содержащий инструкцию ко всем четырем методикам.

На третьем этапе проводился первичный скрининг заполненных бланков, выбраковка дефектных протоколов и разделение респондентов на группы на основе результатов теста Фагерстрема (FTND). Полученные «сырые» баллы по методикам ОСО Столина-Пантилеева, ДМО Лири и опроснику актуальных потребностей переводились в стандартизированные оценки и заносились в общую матрицу данных. Четвертый этап был посвящен математико-статистической обработке. Сначала вычислялись средние значения и стандартные отклонения, затем проводился корреляционный, сравнительный анализ данных. На заключительном, пятом этапе осуществлялась качественная психологическая интерпретация обнаруженных статистических закономерностей, сопоставление полученных результатов с теоретическими положениями отечественной и зарубежной науки, формулирование выводов и подтверждение, либо опровержение, выдвинутых гипотез исследования.

Научная новизна исследования: заключается в реализации дифференцированного подхода к изучению психологических феноменов аддиктивного поведения молодежи. В отличие от традиционного бинарного деления испытуемых на «курящих» и «некурящих», в данной работе фокус смещен на изучение взаимосвязей между уровнем никотиновой зависимости и мотивационно-личностными характеристиками курящих молодых людей.

Впервые в рамках единой объяснительной модели осуществлен комплексный психологический срез личности курящего молодого человека, интегрирующий интрапсихический, динамический и интерперсональный компоненты.

Структура дипломной работы состоит из введения, 2-ух глав, параграфов, 2-ух выводов, заключения, списка литературы и приложения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МОТИВАЦИОННО- ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КУРЯЩИХ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ В ПСИХОЛОГИИ

1.1. Феномен табакокурения как психологическая проблема и объект аддиктологии

В современной психологической науке проблема табакокурения и никотиновой зависимости рассматривается не только как форма поведенческого отклонения, но и как сложный многоуровневый феномен, находящийся на стыке клинической психологии, аддиктологии и социальной психологии [23]. Долгое время изучение курения оставалось преимущественно прерогативой медицинских и биологических дисциплин, концентрировавшихся на соматических последствиях употребления табака и механизмах формирования физиологической зависимости. Однако современные исследования демонстрируют, что редукция проблемы к биологическим аспектам существенно ограничивает понимание природы данного явления. Накопленные эмпирические данные свидетельствуют о том, что физиологическая тяга формируется уже на более поздних этапах вовлечения в курение, тогда как первичная инициация и закрепление поведения имеют преимущественно психологическую и социально-психологическую обусловленность [12].

Более того, высокая частота рецидивов после отказа от курения также указывает на ведущую роль психологических

факторов, таких как особенности мотивационной сферы, уровень развития саморегуляции и устойчивость к стрессу [41]. Согласно данным аддиктологии, зависимое поведение формируется как результат закрепления специфического способа реагирования на внутренние и внешние трудности, а не только как следствие биохимических изменений [18]. В этом смысле курение выступает как приобретенный поведенческий паттерн, поддерживаемый системой подкреплений — как внутренних (снижение тревоги, субъективное чувство облегчения), так и внешних (социальное одобрение, включенность в группу) [36].

С психологической точки зрения табакокурение представляет собой деструктивный, но функционально значимый для субъекта способ регуляции психоэмоционального состояния. В ряде работ подчеркивается, что в основе аддиктивного поведения лежит стремление личности к изменению своего психического состояния, обусловленное дефицитом адаптивных способов саморегуляции и недостаточной сформированностью личностных ресурсов [5]. В этом контексте курение начинает выполнять функцию своеобразного «психологического инструмента», позволяющего временно компенсировать внутреннее напряжение, неуверенность, эмоциональную нестабильность [30].

Развивая данную позицию, исследователи отмечают, что никотин встраивается в систему психической регуляции как внешний регулятор, к которому индивид обращается в ситуациях, когда внутренние механизмы совладания оказываются несостоятельными или недостаточно развитыми

[45]. Таким образом, формируется зависимость не только от вещества, но и от самого способа реагирования на стресс, что существенно усложняет процесс отказа от курения [44].

Анализ структуры психологической зависимости от табакокурения позволяет выделить несколько взаимосвязанных компонентов, обеспечивающих ее устойчивость. Когнитивно-поведенческий компонент связан с формированием устойчивых ритуалов курения, которые интегрируются в повседневную деятельность субъекта. Курение начинает сопровождать различные виды активности — отдых, учебу, общение — и тем самым приобретает характер автоматизированного действия. Подобные ритуалы создают иллюзию упорядоченности и контроля, особенно в ситуациях неопределенности и когнитивного напряжения [14].

Эмоционально-компенсаторный компонент отражает использование курения как своеобразной формы квази-копинга. В условиях стресса, фрустрации или эмоционального дискомфорта сигарета начинает восприниматься как быстрый и доступный способ изменения состояния [8]. При этом формируется устойчивая ассоциация между негативными переживаниями и актом курения, что способствует закреплению зависимости и вытеснению более конструктивных стратегий совладания [31]. Особенно выражена данная функция в юношеском возрасте, когда эмоциональная сфера отличается повышенной лабильностью и недостаточной регуляцией [9].

Коммуникативный компонент табакокурения связан с его социальной функцией. В молодежной среде курение нередко выступает как средство включения в референтную группу, снижения межличностной напряженности и установления контактов [28]. Оно может выполнять роль социального «маркера принадлежности», облегчая взаимодействие и формируя ощущение общности. В ряде случаев именно социальное давление или стремление к принятию становятся ключевыми факторами начала курения [11].

Особое значение в понимании феномена табакокурения имеет концепция смысловой регуляции личности. С позиции данной теории аддиктивное поведение рассматривается как следствие деформации или обеднения смысловой сферы, когда жизненные цели утрачивают субъективную значимость или становятся недостижимыми [20]. В таких условиях формируется своеобразный «смысловой вакуум», который заполняется доступными, но поверхностными формами удовлетворения потребностей. Курение в этом контексте выступает как суррогатный способ реализации потребностей в автономии, признании, принадлежности или эмоциональной разрядке [15].

Кроме того, ряд исследователей подчеркивает, что склонность к аддиктивному поведению может быть связана с особенностями личностной организации, включая акцентуации характера, уровень самооценки и особенности самосознания [21]. Это позволяет рассматривать табакокурение не как изолированную привычку, а как элемент более широкой системы личностных нарушений или

дезадаптационных стратегий [6]. Особое внимание уделяется связи самооценки и уровня притязаний у курящих студентов [16], а также влиянию локуса контроля [7] и внутренних конфликтов [24].

Таким образом, в рамках психологического подхода табакокурение среди молодежи предстает как многокомпонентный феномен, детерминированный особенностями мотивационно-личностной сферы, уровнем развития саморегуляции и спецификой социального окружения [2]. Оно является внешним проявлением глубинных психологических процессов и может рассматриваться как индикатор личностных трудностей, таких как внутренние конфликты, дефицит адаптивных копинг-стратегий, нарушения в системе самоотношения и сложности в межличностном взаимодействии [32].

Понимание табакокурения как психологической проблемы требует учета возрастных закономерностей развития личности, поскольку именно в подростковом и юношеском возрасте происходит активное формирование идентичности, системы ценностей и моделей поведения [25]. Это обуславливает необходимость дальнейшего анализа возрастных особенностей, способствующих формированию и закреплению никотиновой зависимости.

Период молодости, традиционно охватывающий возрастной диапазон от 18 до 30 лет, представляет собой особый этап онтогенеза, который в психологии развития обозначается как период ранней взрослости или поздней юности [19]. Этот этап характеризуется завершением

физиологического созревания и выходом личности в принципиально новое социально-психологическое пространство. Основные задачи развития в данном возрасте связаны с процессами окончательной сепарации от родительской семьи, профессионального самоопределения, выстраивания долгосрочных интерперсональных связей и формирования устойчивой идентичности [17].

Переход к самостоятельной жизни и изменение социального статуса неизбежно сопровождаются резким возрастанием нормативных жизненных кризисов и психоэмоциональных нагрузок. Молодой человек сталкивается с необходимостью адаптации к новым требованиям среды таким как, обучение в ВУЗе или начало трудовой деятельности. Этот процесс требует от личности высокого уровня мобилизации внутренних ресурсов, развитой эмоционально-волевой саморегуляции и сформированного смыслового базиса [34].

Однако личностная зрелость в этот период часто носит гетерохронный или неравномерный характер [25]. Интеллектуальное и социальное развитие может опережать становление механизмов волевого контроля и психологической устойчивости. В результате возникает специфическая возрастная уязвимость перед деструктивными формами поведения [27]. Предпосылки к формированию аддиктивных паттернов в молодом возрасте можно охарактеризовать несколькими влияющими факторами. Несформированность устойчивого образа «Я» порождает у молодых людей экзистенциальную тревогу и внутреннее напряжение [1].

В данном контексте курение может выступать как внешний, легкодоступный атрибут желаемой идентичности — маркер «взрослости», «независимости» или принадлежности к определенной субкультуре [35]. Молодые люди часто испытывают дефицит конструктивных копинг-стратегий для совладания со стрессом, индуцированным учебной или профессиональной деятельностью [9]. В условиях высокой тревожности сигарета выполняет функцию квази-адаптивного инструмента, где сам ритуал курения и его ритмика создают иллюзию контроля над эмоциями и обеспечивают быстрый, хотя и кратковременный, седативный эффект [3]. Период молодости характеризуется высокой значимостью референтной группы. Потребность в аффилиации (принятии) и страх интерперсонального отвержения могут подталкивать молодого человека к конформному поведению, где курение становится «входным билетом» в компанию сверстников и средством упрощения коммуникации [13].

Таким образом, психологическое своеобразие молодого возраста заключается в сочетании высоких требований со стороны социума и объективной внутренней нестабильности личностных структур. Курение в данный период закрепляется не как изолированная привычка, а как компенсаторный механизм, призванный замаскировать или временно разрешить внутренние трудности адаптации [22].

1.2. Внутриличные и мотивационные предикторы никотиновой зависимости у молодежи как последствия табакокурения

В рамках настоящего исследования в качестве ключевых предикторов аддиктивного поведения рассматриваются три взаимосвязанных измерения: структура актуальных потребностей личности, особенности самоотношения и специфика межличностного взаимодействия [4, 16, 28]. Выбор данных параметров обусловлен тем, что именно они формируют базовый уровень регуляции поведения и определяют способы адаптации молодого человека к социальным и внутриличным требованиям [15].

Личность в современной психологии понимается как динамическая система потребностей, организованных в определенную иерархию — от витальных и базовых до высших, социогенных и смыслообразующих [15, 20]. Нарушение гармонии в данной системе, в частности фрустрация значимых потребностей, выступает одним из центральных механизмов формирования аддиктивного поведения [5, 18]. При этом важно учитывать, что речь идет не только о невозможности удовлетворения потребностей, но и о субъективном переживании их недостижимости, что усиливает внутреннее напряжение и дезорганизует поведенческую регуляцию [3, 24].

Особое значение в юношеском возрасте приобретают потребности в безопасности, принятии, признании и уважении со стороны значимого социального окружения [1, 17]. Их систематическая фрустрация приводит к

формированию устойчивого внутреннего дискомфорта, сопровождающегося переживаниями одиночества, социальной изолированности и собственной несостоятельности [24, 32]. В этих условиях возрастает вероятность обращения к деструктивным способам компенсации, одним из которых выступает табакокурение [27].

Курение в данном контексте функционирует как доступный и социально опосредованный компенсатор дефицитарных состояний [8, 30]. Оно позволяет временно снизить интенсивность негативных переживаний и создать иллюзию включенности в значимую группу [11]. Особенно показателен феномен «курения за компанию», при котором сам акт употребления табака приобретает символическое значение принадлежности и социальной идентификации [13, 28]. В подобных ситуациях удовлетворяется не столько физиологическая потребность, сколько потребность в аффилиации, что подтверждает психологическую природу данного поведения [11, 42].

Дополняя данную позицию, следует отметить, что при устойчивом закреплении аддиктивного паттерна происходит трансформация смысловой сферы личности [20]. Смысловая реальность субъекта сужается, а система ценностей деформируется таким образом, что сигарета начинает выполнять функцию квази-ценности, замещающей реальные, но субъективно труднодостижимые цели [20, 22]. Это приводит к снижению уровня жизненной перспективы и ограничению личностного роста, фиксируя человека в

рамках примитивных способов удовлетворения потребностей [15].

Не менее значимым предиктором является самоотношение личности, понимаемое как интегральная система эмоционально-ценностного отношения к себе, включающая такие компоненты, как самоуважение, самопринятие, аутосимпатия и уровень притязаний [33]. Исследования показывают, что у курящих молодых людей часто наблюдается выраженная дисгармония структуры самоотношения, проявляющаяся в неустойчивой и зависимой самооценке [16]. Подобная самооценка во многом определяется внешними оценками и ситуационными факторами, что делает личность уязвимой к социальному давлению [7, 16].

Дефицит позитивного самоотношения сопровождается хроническим недовольством собой, повышенным уровнем самообвинения и внутренней критичности, что формирует устойчивое психоэмоциональное напряжение [24, 32]. В этих условиях курение начинает выполнять двойственную функцию: с одной стороны, оно выступает как форма аутодеструктивного поведения, связанного с элементами скрытой аутоагрессии [6, 27], с другой — как средство символической компенсации, позволяющее повысить субъективное чувство значимости и соответствия социальным ожиданиям [30, 35].

Специфика межличностного взаимодействия также играет важную роль в формировании и закреплении табакокурения [13, 28]. Характер социальных контактов

определяет как вероятность первичного приобщения к курению, так и устойчивость данного поведения [11, 41]. У курящих молодых людей нередко наблюдаются дезадаптивные модели взаимодействия, связанные с нарушением баланса между автономией и зависимостью [29, 33].

В рамках анализа межличностных стратегий можно выделить два полярных вектора. Конформно-зависимый вектор характеризуется выраженной ориентированностью на внешние нормы и оценки, слабостью личностных границ и страхом социальной изоляции [21]. Такие индивиды склонны к некритичному усвоению поведенческих стереотипов референтной группы, включая аддиктивные формы поведения, и испытывают затруднения в противостоянии групповому давлению [13, 42]. В этом случае курение выступает как средство социального слияния и поддержания принадлежности к группе [28].

Противоположный, агрессивно-доминирующий вектор, связан с демонстрацией независимости, силы и социальной уверенности [21]. Однако за внешней доминантностью часто скрывается внутренняя неуверенность и дефицит подлинной личностной автономии [33, 34]. Курение в данном случае приобретает символическое значение — оно используется как поведенческий маркер взрослости, самостоятельности и маскулинности, выполняя компенсаторную функцию [1, 35].

Таким образом, мотивационно-личностные особенности курящих молодых людей образуют сложный симптомокомплекс, в котором фрустрация базовых и высших

потребностей, дефицит позитивного самоотношения и дезадаптивные модели межличностного взаимодействия взаимно усиливают друг друга [4, 16, 32]. В рамках данной системы табакокурение закрепляется как универсальный, но деструктивный регулятор психического состояния, позволяющий временно снижать внутреннее напряжение и компенсировать личностные дефициты [8, 30], что существенно затрудняет отказ от данной формы поведения и способствует ее хронификации [44, 45].

1.3. Психологические механизмы компенсации личностных дефицитов при различной выраженности никотиновой зависимости в молодом возрасте

В рамках системно-деятельностного и субъектного подходов курение в молодом возрасте рассматривается не как изолированная вредная привычка, а как деструктивный компенсаторный механизм, формирующийся в ответ на конкретные личностные дефициты и ситуации фрустрации [3, 29]. Данные подходы акцентируют внимание на активной роли субъекта в построении собственного поведения, подчеркивая, что аддикция выступает не случайным отклонением, а закономерным результатом нарушений в системе саморегуляции и смыслообразования [20, 22].

Когда у молодого человека в период ранней взрослости оказываются заблокированными конструктивные способы достижения автономии, признания и психологической защищенности, формируется состояние внутренней напряженности и неопределенности [1, 3]. В этих условиях

табакокурение начинает выполнять функцию «внешнего регулятора» психической деятельности, позволяя временно стабилизировать эмоциональное состояние и снизить интенсивность негативных переживаний [5, 23]. Фактически речь идет о подмене внутренних механизмов саморегуляции внешними поведенческими средствами [45].

Динамика и глубина данного процесса напрямую связаны с тем, насколько прочно аддиктивный паттерн интегрируется в структуру личности [6]. Чем глубже происходит это «встраивание», тем более выраженной становится зависимость, а само поведение приобретает компульсивный характер [18]. На поведенческом уровне это отражается в степени никотиновой зависимости, которая может рассматриваться как индикатор глубины личностной дезадаптации [23, 35].

Взаимосвязь личностных дефицитов и выраженности зависимости целесообразно рассматривать на нескольких уровнях. На мотивационно-потребностном уровне ключевым детерминирующим звеном выступает дисбаланс в структуре актуальных потребностей личности, описываемый в русле гуманистической психологии [15]. При невозможности экологичного удовлетворения базовых социогенных потребностей — в безопасности, уважении, признании и принадлежности — формируется состояние хронического дистресса и внутренней неудовлетворенности [1, 22]. Это состояние требует разрядки, что повышает вероятность обращения к аддиктивным формам поведения [5, 18].

В данном контексте акт курения приобретает символическую функцию, выступая в роли квази-объекта, временно маскирующего переживание социальной изоляции, тревоги или собственной неполноценности [20, 30]. При этом происходит подмена реального удовлетворения потребностей их суррогатной формой, что препятствует личностному развитию и закрепляет дезадаптивные стратегии поведения [22, 27].

Не менее значимым является уровень самоотношения личности, который определяет способность субъекта противостоять фрустрирующим воздействиям среды [33]. В рамках концепции В. В. Столина и С. Р. Пантилеева самоотношение рассматривается как системное образование, включающее эмоционально-ценностные и когнитивные компоненты отношения к себе [33]. Снижение самоуважения, дефицит аутосимпатии и самопринятия на фоне выраженного самообвинения существенно ослабляют внутреннюю психологическую опору личности [16, 33].

В подобных условиях курение начинает использоваться как деструктивная форма копинга, направленная на регуляцию самооценки и эмоционального состояния [8, 31]. С одной стороны, оно может выполнять функцию иллюзорного повышения статуса «Я», создавая ощущение уверенности и социальной значимости [35], с другой — выступать формой неосознаваемой аутоагрессии, отражающей внутренний конфликт и неудовлетворенность собой [3, 24]. Таким образом, аддиктивное поведение становится способом переработки негативного самоотношения [6, 32].

Личностные дефициты закономерно проявляются и в сфере межличностного взаимодействия, определяя характер социальных контактов и стратегий поведения [13]. В рамках интерперсональной модели Т. Лири можно выделить типичные векторы взаимодействия, связанные с аддиктивным поведением [27]. Конформно-зависимый вектор характеризуется выраженной потребностью в одобрении, страхом отвержения и интерперсональной ведомостью [21]. Молодые люди с данным типом взаимодействия склонны подчиняться нормам референтной группы и перенимать аддиктивные формы поведения как способ сохранения принадлежности [13, 42].

Напротив, агрессивно-доминирующий вектор связан с демонстрацией независимости, силы и социальной уверенности, однако часто носит компенсаторный характер [21]. В этом случае курение используется как поведенческий маркер псевдонезависимости, взрослости и маскулинности, маскируя внутреннюю неуверенность и дефицит подлинной автономии [1, 35].

Зарубежные исследования подтверждают, что выраженность аддиктивного паттерна тесно связана с дефицитом внутренних копинг-ресурсов и ограниченной способностью к конструктивному совладанию со стрессом [45, 31]. Существенную роль также играет уровень личностной самооффективности: чем ниже вера человека в собственную способность контролировать поведение и справляться с трудностями, тем выше вероятность формирования и закрепления зависимости [37, 43].

При этом наблюдается качественная специфика личностных характеристик в зависимости от степени выраженности никотиновой зависимости [23]. При слабой степени зависимость носит преимущественно ситуативный, социально опосредованный характер и определяется влиянием микросреды — стремлением соответствовать группе, облегчить коммуникацию или снизить социальное напряжение [11, 28]. В данном случае глубинные структуры самоотношения и мотивационной сферы могут оставаться относительно сохранными [33].

Тяжелая степень никотиновой зависимости, напротив, отражает тотальную фиксацию аддиктивного паттерна как ведущего способа психической регуляции [18, 23]. На этом уровне курение перестает быть ситуативным поведением и становится интегрированной частью личности, определяющей стиль жизни и способы реагирования на стресс [6]. Это сопровождается выраженными нарушениями в системе самоотношения, снижением уровня самопринятия и усилением самообвинения [16, 32].

Высокие показатели по тесту Фагерстрема у молодых людей коррелируют с глубокими личностными дефицитами, включая фрустрацию базовых социальных потребностей, снижение чувства безопасности и дефицит признания со стороны значимого окружения [1, 23]. Это подтверждает положение о том, что степень выраженности зависимости отражает глубину нарушений в мотивационно-личностной сфере [5, 35].

Таким образом, механизм компенсации позволяет рассматривать никотиновую зависимость как интегративный показатель психологической дезадаптации [3, 18]. Выраженность аддиктивного поведения в данном случае выступает объективным поведенческим индикатором степени нарушений в системе потребностей, самоотношения и межличностного взаимодействия [4, 32], что подчеркивает необходимость комплексного психологического анализа данного феномена [23, 27].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Проведенный теоретический анализ позволил раскрыть табакокурение в молодом возрасте как сложный многоуровневый психологический феномен, находящийся на стыке клинической психологии, аддиктологии и социальной психологии [12, 23]. Установлено, что редукция проблемы исключительно к биологическим аспектам существенно ограничивает понимание природы данного явления, поскольку первичная инициация и закрепление курительного

поведения имеют преимущественно психологическую и социально-психологическую обусловленность [12, 36].

Во-первых, табакокурение представляет собой деструктивный, но функционально значимый для субъекта способ регуляции психоэмоционального состояния [5, 30]. В его структуре выделены три взаимосвязанных компонента, обеспечивающих устойчивость зависимости:

- когнитивно-поведенческий компонент, связанный с формированием автоматизированных ритуалов курения, интегрированных в повседневную деятельность и создающих иллюзию контроля в ситуациях неопределенности [14];
- эмоционально-компенсаторный компонент, отражающий использование курения как формы квазикопинга для быстрого изменения психоэмоционального состояния в условиях стресса и фрустрации [8, 31];
- коммуникативный компонент, обуславливающий социальную функцию курения как средства включения в референтную группу и установления межличностных контактов [11, 28].

Во-вторых, обоснована связь табакокурения с особенностями смысловой регуляции личности. С позиции концепции Д. А. Леонтьева, аддиктивное поведение рассматривается как следствие деформации или обеднения смысловой сферы, когда формируется «смысловой вакуум», заполняемый суррогатными формами удовлетворения потребностей [15, 20]. Курение в данном контексте выступает как замещающий способ реализации потребностей в

автономии, признании, принадлежности и эмоциональной разрядке [20].

В-третьих, показано, что склонность к аддиктивному поведению детерминирована особенностями личностной организации, включая акцентуации характера [21], уровень самооценки и локус контроля [7, 16], а также внутренние конфликты [24]. Это позволяет рассматривать табакокурение не как изолированную привычку, а как элемент более широкой системы личностных нарушений и дезадаптационных стратегий [6, 27, 32].

В-четвертых, выявлена специфика периода молодости (18–30 лет) как фактора риска формирования никотиновой зависимости [17, 19]. Данный возрастной этап характеризуется завершением физиологического созревания, выходом в новое социально-психологическое пространство и решением задач сепарации, профессионального самоопределения и формирования идентичности [17, 34]. Однако личностная зрелость в этот период часто носит гетерохронный характер [25]: интеллектуальное и социальное развитие может опережать становление механизмов волевого контроля и психологической устойчивости, что создает специфическую возрастную уязвимость перед деструктивными формами поведения [9, 27].

В-пятых, установлено, что курение в молодом возрасте закрепляется не как изолированная привычка, а как компенсаторный механизм, призванный временно разрешить внутренние трудности адаптации [22]. Несформированность устойчивого образа «Я» порождает экзистенциальную

тревогу [1], дефицит конструктивных копинг-стратегий [9] и высокую значимость референтной группы [13], что в совокупности обуславливает обращение к табакокурению как к квази-адаптивному инструменту регуляции эмоционального состояния и социального взаимодействия [3, 35].

Таким образом, теоретический анализ показал, что табакокурение среди молодежи представляет собой многокомпонентный феномен, детерминированный особенностями мотивационно-личностной сферы, уровнем развития саморегуляции, спецификой смысловой регуляции и характеристиками социального окружения [2, 4, 32]. Оно является внешним проявлением глубинных психологических процессов и может рассматриваться как индикатор личностных трудностей, связанных с внутренними конфликтами, дефицитом адаптивных копинг-стратегий, нарушениями в системе самоотношения и сложностями в межличностном взаимодействии [8, 24, 31, 32].

Полученные теоретические положения создают основу для дальнейшего эмпирического исследования и позволяют сформулировать ключевые предикторы аддиктивного поведения, которые будут рассмотрены в следующей главе: структуру актуальных потребностей личности, особенности самоотношения и специфику межличностного взаимодействия курящей молодежи.

ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВАЦИОННО-ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КУРЯЩЕЙ МОЛОДЁЖИ

2.1. Цель, предмет, методы и программа исследования

Целью исследования являлось выявление взаимосвязи уровня никотиновой зависимости с мотивационно-личностными особенностями курящих молодых людей.

Для достижения поставленной цели и логики исследования выдвинуты следующая **гипотеза**:

Курящая и некурящая молодежь может характеризоваться разными особенностями самоотношения, особенностями межличностных отношений и актуальными потребностям.

Объектом исследования выступила мотивационно-личностная сфера лиц молодого возраста от 18 до 28 лет.

Предметом исследования являлась взаимосвязь уровня никотиновой зависимости с актуальными потребностями, компонентами самоотношения и типами межличностных отношений курящих молодых людей.

Методические задачи:

1. Определить предмет, цели, задачи, гипотезы исследования.
2. Подобрать методический инструментарий для изучения мотивационно-личностных особенностей и актуальных потребностей респондентов.

Эмпирические задачи:

1. Определить уровень выраженности никотиновой зависимости в исследуемой выборке с помощью теста FTND.
2. Провести сравнительный анализ выраженности самоотношения, межличностных отношений и актуальных потребностей у курящей и некурящей молодежи.
3. Исследовать взаимосвязь между уровнем никотиновой зависимости, самоотношением и актуальными потребностями у курящей молодежи.

Характеристика выборки. В исследовании принял участие 61 респондент. Все участники исследования были поделены на 2 группы: курящие и некурящие молодые люди в возрасте от 18 до 28 лет. Средний возраст по выборке составил 22,2 года ($SD=2,8$).

Процедура исследования. Сбор данных осуществлялся весной 2026 года с использованием онлайн-платформы Google Forms. Платформа позволила охватить широкую выборку и обеспечить удобство и анонимность для участников. До начала заполнения каждый участник получал текстовый инструктаж с разъяснением цели исследования, информацией об анонимности, добровольности участия и том, что ответы не имеют «правильных» или «неправильных» вариантов.

Для проверки гипотез нами использован пакет из четырёх методик.

Тест Фагерстрема на никотиновую зависимость (Fagerström Test for Nicotine Dependence, FTND).

Методика предназначена для оценки выраженности зависимости от никотина. Состоит из 6 вопросов; суммарный балл показывает степень зависимости: чем выше сумма, тем сильнее выражена зависимость.

Тест-опросник самоотношения (ОСО) В. В. Столина и С. Р. Пантилеева.

Данная методика предназначена для изучения структуры самоотношения и позволяет получить три уровня представления о «себе»:

- Глобальное самоотношение (шкала S) – это интегральная оценка общего «за» или «против» собственного Я;
- Дифференцированное самоотношение включает шкалы самоуважения, аутосимпатии, самоинтереса и ожидаемого отношения других;
- Уровень конкретных действий (готовность к ним) – это отдельные показатели, отражающие готовность к поступкам в отношении собственного Я (например, самопринятие, саморуководство, самообвинение).

Самоуважение: утверждения о внутренней последовательности, самопонимании, самоуверенности. Отражает веру в свои силы, оценку своих возможностей и способность контролировать жизнь.

Аутосимпатия: дружелюбное или враждебное отношение к себе: одобрение себя, доверие к себе (позитивный полюс) или преобладание ощущения недостатков и склонность к самообвинению (негативный полюс).

Ожидаемое отношение других: ожидание положительного отношения окружающих или, наоборот,

антипатии и непонимания; влияет на мотивацию к изменению самоотношения.

Самоинтерес: интерес к собственным мыслям и чувствам, готовность общаться с собой, уверенность в собственной привлекательности и интересности для других.

Шкалы уровня действий: 1. Самоуверенность; 2. Отношение других; 3. Самопринятие; 4. Саморуководство; 5. Самообвинение; 6. Самоинтерес; 7. Самопонимание.

Эти показатели показывают готовность и склонности к конкретным поступкам по отношению к себе (например, способность брать на себя ответственность, склонность к самообвинению).

Испытуемый отвечает на набор утверждений, где по каждому пункту начисляются баллы, которые суммируются в баллы по отдельным шкалам и в интегральную шкалу S. Более высокие значения по позитивным шкалам (самоуважение, аутосимпатия, самоинтерес) свидетельствуют о благоприятной структуре самоотношения; высокие значения по шкале самообвинения говорят о неблагоприятной структуре и повышенном риске компенсационных стратегий (в том числе употребления табака).

Методика диагностики актуальных потребностей личности (по классификации А. Маслоу).

Методика предназначена для выявления степени выраженности 15 актуальных потребностей личности и их распределения по группам.

Психофизиологический уровень: базовые жизненные потребности (еда, отдых, комфорт).

Социальный уровень: потребность в принадлежности, эмоциональном общении и принятии.

Высший (самовыражение): потребности в смысле жизни, творческом и личностном самовыражении.

Также предусматривается оценка ведущих видов деятельности, в которых эти потребности чаще удовлетворяются (труд, общение, познание, рекреация, управление).

Испытуемый оценивает каждую потребность по предложенной шкале ответов, по каждому пункту начисляются баллы. Баллы суммируются для каждой из 15 потребностей, затем производится разделение по группам (уровням) и по видам деятельности.

Тест диагностики межличностных отношений (ДМО) Т. Лири (в адаптации Л. Н. Собчик).

Данная методика предназначена для выявления типа межличностных отношений и паттернов поведения в контактах с окружающими. Результат представляется в виде психограммы из восьми октантов (I-VIII), каждый из которых отражает определённый стиль взаимодействия. Дополнительно рассчитываются индексы доминирования и дружелюбия.

I. Властный-лидирующий. Оценивает склонность к лидерству, уверенность в себе, тенденцию к доминированию и управление другими.

II. Независимый-доминирующий. Оценивает независимость, склонность к соперничеству, уверенность в своей правоте, стремление отстаивать собственное мнение.

III. Прямолинейный-агрессивный. Оценивает прямолинейность, искренность, настойчивость в достижении цели, а также склонность к недружелюбным и вспыльчивым реакциям.

IV. Недоверчивый-скептический. Оценивает скептицизм, неконформность, реалистичность суждений, а также склонность к недоверию, критичности и подозрительности по отношению к окружающим.

V. Покорно-застенчивый. Оценивает скромность, застенчивость, готовность брать на себя чужие обязанности, а также склонность к покорности, чувству вины и самоуничижению.

VI. Зависимый-послушный. Оценивает потребность в помощи, доверии и признании со стороны окружающих, а также степень конформности и зависимости от мнения других.

VII. Сотрудничающий-конвенциальный. Оценивает стремление к сотрудничеству, дружелюбие, готовность к компромиссам и желание соответствовать ожиданиям группы.

VIII. Ответственно-великодушный. Оценивает готовность помогать окружающим, развитое чувство ответственности, альтруизм.

Индекс доминирования (V). Оценивает общее стремление к лидерству и доминированию в общении: положительное значение указывает на выраженную тенденцию к доминированию, отрицательное показывает склонность к подчинению.

Индекс дружелюбия (G). Оценивает общую склонность к дружелюбным отношениям и сотрудничеству: положительное значение свидетельствует о стремлении к партнёрству, отрицательное говорит об агрессивно-конкурентной позиции.

Испытуемый отвечает на набор утверждений; по каждому октанту суммируются баллы, формируется психограмма. Интерпретация основана на сравнении показателей октантов между собой (преобладающие октанты указывают на преобладающий стиль межличностных отношений).

Ход исследования. Эмпирическое исследование проводилось в несколько этапов:

1. Подготовительный этап – подбор и обоснование диагностического инструментария, разработка анкеты для оценки возраста, пола и принадлежности к одной из групп «курящих» или «некурящих» молодых людей.

2. Эмпирический этап – сбор данных онлайн в индивидуальной форме с соблюдением принципов добровольности и конфиденциальности; участникам предлагался унифицированный тестовый пакет с инструкциями ко всем четырём методикам.

3. Первичный скрининг заполненных бланков – выбраковка дефектных протоколов и разделение респондентов на группы «курящих» и «некурящих».

4. Обработка и стандартизация результатов – перевод «сырых» баллов по методикам ОСО, ДМО и опроснику потребностей в стандартизированные оценки.

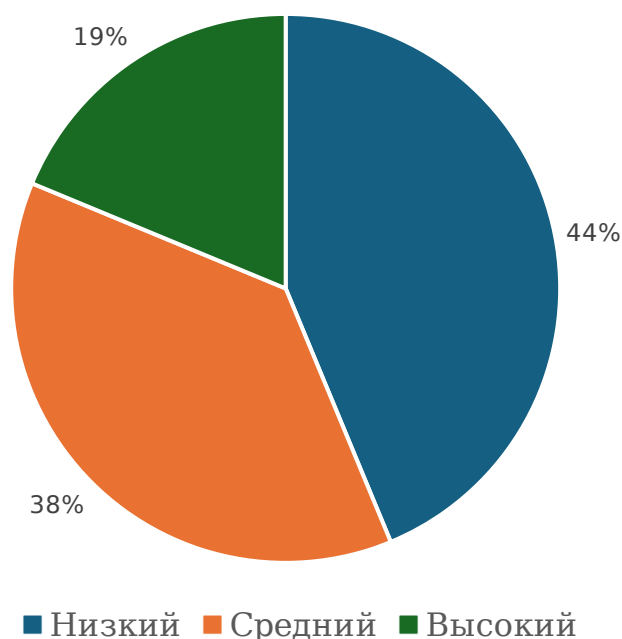
5. Математико-статистическая обработка и интерпретация – описательная статистика, корреляционный

и сравнительный анализ, регрессионный анализ; качественная психологическая интерпретация полученных закономерностей и сопоставление с теоретическими положениями.

2.2. Распределение курящей молодежи по выраженности никотиновой зависимости

В результате первичной обработки данных исследования нами было выявлено процентное распределение уровня никотиновой зависимости. Полученные результаты представлены на рисунке (Рисунок 1).

Рисунок 1 - Распределение курящей молодежи по выраженности никотиновой зависимости

Анализ результатов показывает, что самым многочисленным в выборке является уровень низкой никотиновой зависимости (44%; 14 человек). Эти респонденты курят, но выраженная физиологическая и поведенческая привязанность к никотину у них пока не сформировалась, что потенциально облегчает отказ от курения.

На втором месте по частоте находится средний уровень зависимости (37%; 12 человек). Для этой группы характерна уже заметная регулярность курения и наличие устойчивой привычки, однако зависимость ещё не достигает максимально выраженной степени; отказ от курения для них будет сопровождаться дискомфортом, но при поддержке остаётся возможным.

Высокий уровень никотиновой зависимости встречается реже (19%; 6 человек). У этих респондентов сила зависимости делает отказ от никотина более сложным и требует, как правило, комплексного вмешательства: психологической и, возможно, медицинской помощи.

2.3. Сравнительный анализ выраженности самоотношения, межличностных отношений и актуальных потребностей у курящей и некурящей молодежи

Для выявления различий между курящими и некурящими молодыми людьми по показателям самоотношения, межличностных отношений и актуальных потребностей был использован U-критерий Манна-Уитни (Таблица 1).

Таблица 1

**Результаты сравнительного анализа показателей
самоотношения, межличностных отношений и
актуальных потребностей у курящей и некурящей
молодежи**

Шкала	U Манна-Уитни	Значимость (p)
Самоотношение (глобальное)	283,5	0,009
Аутосимпатия	286,5	0,010
Самоинтерес	327	0,045
Отношение других	272	0,005
Самопринятие	289	0,010
Недоверчивый (октант IV)	322,5	0,039
Покорный (октант V)	309	0,024
Свобода	289,5	0,011
Познание	202	p<0,001
Высший уровень потребностей	296	0,014

Процесс познания	230	0,001
------------------	-----	-------

Примечание: в таблице приведены только значимые различия, результаты по всем показателям представлены в Приложении 1.

По методике самоотношения (ОСО) курящие и некурящие респонденты значимо различаются по следующим шкалам: глобальное самоотношение ($p=0,009$), аутосимпатия ($p=0,010$), самоинтерес ($p=0,045$), ожидаемое отношение других ($p=0,005$) и самопринятие ($p = 0,010$). Наиболее выраженная разница наблюдается по шкале «отношение других» ($p=0,005$), что указывает на то, что ожидания отношения окружающих к себе у курящих и некурящих отличаются сильнее всего. Таким образом, некурящие более сильно субъективно ощущают, что окружающие к ним относятся хуже, нежели курящие респонденты.

По методике диагностики межличностных отношений (ДМО Лири) значимые различия выявлены по октантам «недоверчивый» ($p=0,039$) и «покорный» ($p=0,024$). Это говорит о том, что курящие и некурящие молодые люди различаются по степени выражения недоверия к окружающим и по склонности к покорности/застенчивости в межличностных контактах. Следовательно, курящие менее доверчивы и более покорны в сравнении с группой некурящих респондентов.

По методике диагностики актуальных потребностей (Маслоу) значимые различия обнаружены по потребностям «свобода» ($p=0,011$), «познание» ($p<0,001$), а также по значению «высший уровень потребностей» ($p=0,014$). Другие значимые различия обнаружены в таких видах деятельности

как «познание» ($p=0,001$). Наиболее статистически значимое различие наблюдается по шкале, оценивающей потребность в познание ($p<0,001$). Исходя из данных, некурящая молодёжь менее озадачена потребностями в «познании» и «свободе», у них менее выражен «высший уровень потребностей» и деятельность, связанная с познанием, их увлекает меньше, чем молодых людей, которые курят.

2.4. Взаимосвязь между уровнем никотиновой зависимости, самоотношением, межличностными отношениями и актуальными потребностям у «курящих» людей

Для выявления значимых корреляций внутри группы «курящих» людей нами был выполнен корреляционный анализ. Его результаты представлены в Приложении 2.

По данным Таблицы 2 мы можем говорить о наличие статистически значимой отрицательной корреляции между самопринятием и уровнем никотиновой зависимости ($p=0,026$) и значимой положительной корреляции уровня никотиновой зависимости с прямолинейно-агрессивным стилем взаимодействия.

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа уровня никотиновой зависимости и самопринятия у курящей молодежи

	Самопринятие	Прямолинейный-агрессивный
--	--------------	---------------------------

		стиль взаимодействия
Уровень зависимости и	$r = -0,394$; $p = 0,026$	$r = 0,422$; $p = 0,016$

Примечание: в таблице приведены только значимые различия

Данные свидетельствуют о том, что высокий уровень зависимости связан с низкой способностью личности принимать свои особенности как недостатки, так и достоинства. Люди с низким уровнем зависимости, наоборот, легче принимают свои отличительные черты. Курение здесь может являться способом совладания с эмоциональным напряжением и дискомфортом.

Также с ростом уровня зависимости растёт и склонность к агрессивному стилю взаимодействия, то есть более настойчивому и конфликтному отстаиванию своей позиции, недостаточной гибкости в межличностном взаимодействии. Для людей с высоким уровнем зависимости может быть характерна раздражительность.

2.5. Обсуждение результатов

В ходе эмпирического исследования были проверены гипотезы о том, что курящая и некурящая молодежь может характеризоваться разными особенностями самооотношения, особенностями межличностных отношений и актуальными потребностями получила несколько подтверждений.

Во-первых, мы выяснили, что курящая и некурящая молодежь значительно различаются по таким шкалам как: глобальное самооотношение ($p = 0,009$), аутосимпатия

($p=0,010$), самоинтерес ($p=0,045$), ожидаемое отношение других ($p=0,005$) и самопринятие ($p = 0,010$). Данные позволяют сделать вывод о том, что курящая молодежь характеризуется более устойчивым и положительным отношением к своему «Я», более доверительным и одобрительным отношением к себе, готовностью понимать себя и восприятием собственной личности как интересной и значимой. В то же время курящие молодые люди склонны предполагать принятие и доброжелательную настроенность со стороны окружающих и демонстрируют способность принимать свои особенности, ограничения и несовершенства.

Во-вторых, значимые различия выявлены по октантам «недоверчивый» ($p=0,039$) и «покорный» ($p=0,024$), что свидетельствует о том, что курящая молодежь в сравнении с некурящей более скептически, замкнута и неконформна, а также более скромна и застенчива, имеет склонность брать на себя обязательства других людей.

В-третьих, значимые различия обнаружены по потребностям «свобода» ($p=0,011$), «познание» ($p<0,001$), а также по значению «высший уровень потребностей» ($p=0,014$); другие значимые различия обнаружены в таких видах деятельности как «познание» ($p=0,001$). Таким образом, курящие молодые люди отчетливее ощущают потребности в свободе и познании. Кроме того, им присущи высокие показатели по значению «высший уровень потребности», который содержит в себе потребности в самоактуализации и раскрытии творческого потенциала.

ВЫВОДЫ ПО 2 ГЛАВЕ

Во второй главе работы нами было проведено эмпирическое исследование мотивационно-личностных особенностей курящих молодых людей. Полученные результаты позволяют увидеть общую картину того, как никотиновая зависимость встраивается в личностную структуру молодых людей в возрасте 18–28 лет.

Прежде всего, описательный анализ показал, что в группе курящих преобладает низкий уровень никотиновой зависимости (44%), что в целом соответствует возрастным особенностям выборки. Молодые люди в этом возрасте чаще используют курение как социальный ритуал или способ совладания со стрессом, и физиологическая зависимость у многих из них не достигает средней или тяжёлой степени. Однако уже на этом этапе можно говорить о формировании устойчивой поведенческой привычки.

Сравнительный анализ курящих и некурящих молодых людей выявил существенные различия в структуре самоотношения. Некурящие демонстрируют более низкие показатели по таким шкалам, как глобальное самоотношение, аутосимпатия, самоинтерес, ожидаемое отношение других и самопринятие. Это говорит о том, что в группе некурящих более выражена внутренняя дисгармония в отношении к себе: они менее склонны позитивно оценивать себя, доверять себе. Особенно заметна разница по шкале «ожидаемое отношение других», что может указывать на повышенную чувствительность некурящих к мнению окружающих.

Эти данные подтверждаются результатами корреляционного анализа внутри группы курящих, где обнаружена значимая отрицательная связь между уровнем никотиновой зависимости и самопринятием. Это позволяет предположить, что курение в некоторых случаях может функционировать как способ компенсации внутреннего дискомфорта. Человек с трудом принимает себя, испытывает внутреннее напряжение, и курение становится доступным, быстрым способом снять это напряжение.

В ходе сравнительного анализа было обнаружено, что курящие и некурящие различаются по октантам «недоверчивый» и «покорный». Это говорит о том, что в группе курящих одновременно могут присутствовать две, казалось бы, противоположные тенденции: недоверие, скептицизм, критичность по отношению к окружающим, а также застенчивость, покорность, готовность брать на себя чужие обязанности и чувство вины. Такая комбинация может отражать внутренний конфликт: человек не доверяет другим, но в то же время боится открыто противостоять им.

В корреляционном анализе обнаружена значимая положительная связь уровня никотиновой зависимости с прямолинейно-агрессивным стилем взаимодействия. Можно предположить, что по мере усиления зависимости меняется и стиль коммуникации: человек становится более напряжённым, менее терпимым к чужим мнениям, более конфликтным. Это согласуется с известными данными о том, что при высокой никотиновой зависимости повышается раздражительность, особенно в ситуациях ограничения курения.

Таким образом, в межличностной сфере у курящих молодых людей прослеживается сочетание нескольких дезадаптивных тенденций: недоверие к окружающим, покорность и застенчивость в одних ситуациях, и агрессивное отстаивание своей позиции в других.

Сравнительный анализ курящих и некурящих молодых людей выявил значимые различия в контексте актуальных потребностей. Курящим респондентам в большей мере, нежели некурящим, свойственен «высший уровень потребностей», особенно потребности в «свободе» и «познании». Потребность в таком виде деятельности как познание преобладает у курящей молодежи, в то время как потребность в данной деятельности у некурящих молодых людей значительно снижена.

Обобщая результаты исследования, можно сказать, что никотиновая зависимость у молодых людей в данной выборке преимущественно связана с компонентами самоотношения (особенно с самопринятием) и особенностями межличностных отношений (дезадаптивные стили: недоверчивость, покорность, агрессивность). Это позволяет рассматривать курение не как изолированную привычку, а как доступный, хотя и деструктивный, способ совладания с внутренним напряжением и трудностями в отношениях с собой и окружающими.

ВЫВОДЫ ПО ВСЕЙ РАБОТЕ

В ходе проведения теоретико-эмпирического исследования на тему «Мотивационно-личностные особенности курящих молодых людей» была достигнута поставленная цель и решены основные задачи работы.

Основные результаты исследования:

1. Теоретический анализ позволил систематизировать современные представления о никотиновой зависимости как о деструктивном поведенческом паттерне и дезадаптивном способе саморегуляции. Было установлено, что курение в молодом возрасте может выполнять ритуальную, эмоционально-компенсаторную и коммуникативную функции, а его закреплению способствуют особенности периода ранней взрослости, связанные с гетерохронностью развития, ролевой неопределённостью и эмоциональной напряжённостью. Внутренняя архитектура личности курящего молодого человека в теоретических источниках описывается через дефициты в мотивационно-потребностной, самооценочной и интерперсональной плоскостях.

2. Эмпирическое исследование на выборке 61 респондента в возрасте 18-28 лет подтвердило наличие различий в особенностях самоотношения, особенностях межличностных отношений и актуальных потребностях.

В ходе исследования было установлено, что никотиновая зависимость у молодых людей в большей степени связана с особенностями самоотношения и межличностного функционирования. Полученные данные позволяют рассматривать курение как доступный, но деструктивный способ совладания с внутренним напряжением, трудностями

самопринятия и нарушениями межличностного взаимодействия.

Практическая значимость исследования

заключается в том, что выявленные особенности могут быть использованы при разработке психологических программ профилактики и коррекции никотиновой зависимости у молодых людей. В качестве наиболее перспективных объектов психологического воздействия можно рассматривать повышение самопринятия, развитие более гибких и адаптивных стилей межличностного взаимодействия, а также формирование более эффективных способов совладания со стрессом.

Проведённое исследование показало, что никотиновая зависимость у молодых людей не сводится только к физиологическому аспекту, а тесно связана с личностной организацией, особенностями самоотношения и межличностных отношений. Это подтверждает необходимость комплексного психологического подхода к изучению и профилактике табакокурения в молодёжной среде.

Проведённое исследование имеет ряд ***ограничений***, которые необходимо учитывать при интерпретации результатов.

Во-первых, был использован онлайн-формат сбора данных, что может ограничивать репрезентативность результатов. Во-вторых, все показатели получены методом самосообщения (опросники), что подвержено влиянию социальной желательности.

В связи с этим сформулированы **перспективы** дальнейшего исследования:

1. Проведении исследований с более крупной и репрезентативной выборкой.
2. Использовании продольного дизайна для выявления причинно-следственных связей.
3. Включении в модель множественного регрессионного анализа нескольких предикторов: компонентов самоотношения, типов межличностных отношений, особенностей эмоциональной регуляции и копинг-стратегий.

ПЕРЕЧЕНЬ ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аверин, В. А. Психология детей и подростков : учеб. пособие / В. А. Аверин. – Санкт-Петербург : Изд-во Михайлова В. А., 2018. – 320 с.
2. Алиева, М. А. Личностные детерминанты аддиктивного поведения в студенческой среде / М. А. Алиева // Вестник университета. – 2021. – № 4. – С. 182-188.
3. Анцыферова, Л. И. Личность в трудных жизненных ситуациях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита / Л. И. Анцыферова // Психологический журнал. – 2019. – Т. 40, № 2. – С. 18-34.
4. Баранова, О. В. Специфика мотивационной сферы курящих студентов / О. В. Баранова, И. А. Кузнецова // Психология и обучение. – 2023. – № 3. – С. 45-51.

5. Бойко, В. В. Психология индивидуальных склонностей к зависимому поведению в юношеском возрасте / В. В. Бойко. – Москва : Юрайт, 2020. – 245 с.
6. Братусь, Б. С. Аномалии личности. Психологический подход / Б. С. Братусь. – Москва : Мысль, 2019. – 301 с.
7. Быкова, Н. Л. Взаимосвязь локуса контроля и склонности к табакокурению у современной молодежи / Н. Л. Быкова // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 1 (92). – С. 112–115.
8. Васильева, Е. А. Копинг-стратегии и психологические защиты у курящих и некурящих молодых людей / Е. А. Васильева // Психологический вестник. – 2024. – Т. 15, № 2. – С. 89–96.
9. Волкова, Е. Н. Подростковый и юношеский возраст в контексте психологии риска и девиаций / Е. Н. Волкова // Психологическая наука и образование. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 58–67.
10. Гришина, Н. В. Психология конфликта и личностные кризисы у лиц с никотиновой зависимостью / Н. В. Гришина. – Санкт-Петербург : Питер, 2020. – 416 с.
11. Данилова, М. В. Социально-психологические факторы формирования мотивации курения у студенческой молодежи / М. В. Данилова, А. П. Петров // Сибирский психологический журнал. – 2022. – № 84. – С. 142–156.
12. Егоров, А. Ю. Нехимические и химические аддикции у подростков и молодежи / А. Ю. Егоров. – Речь, 2019. – 192 с.

13. Журавлев, А. Л. Социально-психологическое пространство личности и девиантные привычки молодежи / А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко // Психологический журнал. – 2020. – Т. 41, № 5. – С. 5-17.
14. Зайцев, В. В. Мотивационные опросники в исследовании генеза курения у лиц молодого возраста / В. В. Зайцев // Вопросы психологии. – 2021. – № 2. – С. 76-83.
15. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы : учеб. пособие / Е. П. Ильин. – Санкт-Петербург : Питер, 2021. – 512 с.
16. Карпова, Э. Б. Особенности самооценки и уровня притязаний у курящих студентов / Э. Б. Карпова, С. В. Лебедев // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2023. – № 1. – С. 204-210.
17. Кон, И. С. Психология ранней юности : книга для учителя / И. С. Кон. – Москва : Просвещение, 2018. – 256 с.
18. Короленко, Ц. П. Психоанализ и личностные аддикции / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2019. – 320 с.
19. Кулагина, И. Ю. Возрастная психология: развитие человека от рождения до поздней зрелости / И. Ю. Кулагина, В. Н. Колюцкий. – Москва : Сфера, 2020. – 464 с.
20. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: истоки, структура и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – 4-е изд. – Москва : Смысл, 2022. – 511 с.
21. Личко, А. Е. Типы акцентуаций характера и психопатий у подростков / А. Е. Личко. – Москва : Апрель-Пресс, 2020. – 256 с.

22. Маркова, А. К. Психология формирования личностной зрелости и профилактика зависимостей / А. К. Маркова. – Москва : Наука, 2021. – 198 с.
23. Менделевич, В. Д. Руководство по аддиктологии / В. Д. Менделевич. – Санкт-Петербург : Речь, 2019. – 768 с.
24. Миронова, Н. В. Внутренний конфликт как детерминанта курения в молодежной среде / Н. В. Миронова // Человеческий капитал. – 2023. – № 6 (174). – С. 131-137.
25. Мухина, В. С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество / В. С. Мухина. – Москва : Академия, 2021. – 608 с.
26. Немов, Р. С. Психологический анализ причин аддиктивного поведения у студентов / Р. С. Немов // Психологическая наука и практика. – 2022. – № 4. – С. 12-19.
27. Реан, А. А. Психология девиантности. Асоциальное поведение детей и подростков / А. А. Реан. – Москва : КноРус, 2023. – 312 с.
28. Рогов, Е. И. Личностные особенности и особенности социализации курящих подростков / Е. И. Рогов, Т. А. Сидорова // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. – 2021. – № 5. – С. 88-95.
29. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург : Питер, 2020. – 713 с.
30. Рыжкова, О. Б. Причины возникновения психологической зависимости от курения в подростково-юношеском возрасте / О. Б. Рыжкова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2020. – № 8. – С. 77-81.

31. Сирота, Н. А. Копинг-поведение и превенция зависимостей у подростков и молодежи / Н. А. Сирота, В. М. Ялтонский // Вопросы психологии. – 2022. – № 1. – С. 21–30.
32. Смирнов, А. В. Психологическая характеристика эмоционально-волевой сферы курящих студентов / А. В. Смирнов // Актуальные проблемы психологического знания. – 2023. – № 2. – С. 104–111.
33. Соколова, Е. Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности / Е. Т. Соколова. – Москва : Изд-во МГУ, 2019. – 215 с.
34. Фельдштейн, Д. И. Психология развития человека как личности : в 2 т. / Д. И. Фельдштейн. – Москва : МПСИ, 2021. – Т. 1. – 568 с.
35. Шабанов, П. Д. Психологические основы влечений и зависимостей у молодежи / П. Д. Шабанов, О. Ю. Штакельберг. – Санкт-Петербург : Элби-СПб, 2020. – 384 с.
36. Baker, T. B. Motivational Influences on Cigarette Smoking / T. B. Baker, T. H. Brandon, L. Chassin // Annual Review of Psychology. – 2004. – Vol. 55. – P. 463–491.
37. Bandura, A. Self-efficacy: The exercise of control / A. Bandura. – New York : Freeman, 1997. – 604 p.
38. Dudok, R. Multi-Level Protective Factors of Adolescent Smoking and Drinking / R. Dudok, B. F. Piko // European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education. – 2023. – Vol. 13, № 6. – P. 932–947.
39. Eysenck, H. J. Personality and the maintenance of smoking habits / H. J. Eysenck // Smoking Behavior: Motives and Incentives. – Washington : Winston & Sons, 1973. – P. 113–128.

40. Gunnarsson, M. Psychological factors associated with substance use in adolescents / M. Gunnarsson. – Gothenburg : University of Gothenburg, 2015. – 84 p.
41. Patterson, J. G. Psychosocial factors influencing smoking relapse among youth: A qualitative study / J. G. Patterson, J. M. Macisco, A. M. Glasser // PLOS One. – 2022. – Vol. 17, № 6. – P. e0270665.
42. Piko, B. F. Psychological and social correlates of smoking among Hungarian youth / B. F. Piko // International Journal of Behavioral Medicine. – 2019. – Vol. 26, № 2. – P. 154–162.
43. Ra, J. S. Psychosocial Factors Associated with Smoking Cessation Attempts in High School Students / J. S. Ra, Y. H. Jeong // Child Health Nursing Research. – 2020. – Vol. 26, № 1. – P. 1–10.
44. Sussman, S. Tobacco cessation among youth: A review of psychological and behavioral strategies / S. Sussman // Substance Use & Misuse. – 2021. – Vol. 56, № 4. – P. 512–525.
45. Wills, T. A. Coping and substance use: A theoretical model and review of the literature / T. A. Wills, M. Shiffman // Coping and Substance Use. – Orlando : Academic Press, 1985. – P. 3–24.

ПРИЛОЖЕНИЯ

**Приложение 1. Мотивационно-личностные
особенности курящей и некурящей молодежи**

Таблица 1

**Результаты сравнительного анализа показателей
самоотношения, межличностных отношений и
актуальных потребностей у курящей и некурящей
молодежи**

Шкала	U Манна-Уитни	Значимость (p)
самоотношение	283,500	0,009
самоуважение	384,000	0,247
аутосимпатия	286,500	0,010
ожидаемое отношение	354,500	0,110
самоинтрес	327,000	0,045
самоуверенность	356,500	0,119
отношение других	272,000	0,005
самоприняте	289,000	0,010
саморуководство	436,500	0,689
самообвинение	371,500	0,180
самоинтерес	431,500	0,635
саомпонимание	369,000	0,168
властный	381,000	0,228
независимый	378,500	0,214
агрессивный	427,500	0,595

недоверчивый	322,500	0,039
покорный	309,000	0,024
зависимый	428,500	0,605
сотрудничающий	431,000	0,632
великодушный	425,500	0,576
безопасность	448,000	0,816

Приложение 1**Таблица 1**

Шкала	U Манна-Уитни	Значимость (p)
общение	437,000	0,694
свобода	289,500	0,011
активность	433,500	0,657
доминирование	360,000	0,130
достижение	430,500	0,626
эмоции	377,000	0,204
познание	202,000	0,000
подготовленность	409,000	0,424
статус	463,000	0,988
бытие	425,000	0,571
нравственно-эстетический	461,000	0,965
смысл жизни	350,500	0,100
самовыражение	406,000	0,398
управление	397,500	0,334
психофизиологический	413,500	0,458
социальный	452,000	0,860
высший	296,000	0,014
труд	381,000	0,226
процесс общения	447,000	0,804
процесс познания	230,000	0,001
рекреация	385,500	0,248
процесс управления	450,500	0,844

**Приложение 2. Мотивационно-личностные
особенности курящей и некурящей молодежи**

Приложение 2

Таблица 2

**Результаты корреляционного анализа уровня
зависимости и показателей шкал методик**

Переменные	Уровень никотиновой зависимости
Глобальное самоотношение (S)	$r=-0.190$ ($p=0.298$)
Самоуважение	$r=-0.130$ ($p=0.479$)
Аутосимпатия	$r=-0.319$ ($p=0.075$)
Ожидаемое отношение	$r=-0.067$ ($p=0.716$)
Самоинтерес	$r=-0.076$ ($p=0.678$)
1: Самоуверенность	$r=-0.183$ ($p=0.316$)
2: Отношение других	$r=-0.168$ ($p=0.359$)
3: Самопринятие	$r=-0.394$ ($p=0.026$)
4: Саморуководство	$r=0.136$ ($p=0.459$)
5: Самообвинение	$r=0.205$ ($p=0.260$)
6: Самоинтерес	$r=-0.038$ ($p=0.837$)

Приложение 2

Таблица 2

Переменные	Уровень никотиновой зависимости
7: Самопонимание	$r=-0.080$ ($p=0.663$)
Властный (I)	$r=0.155$ ($p=0.398$)
Независимый (II)	$r=0.303$ ($p=0.092$)
Агрессивный (III)	$r=0.422$ ($p=0.016$)
Недоверчивый (IV)	$r=0.229$ ($p=0.207$)
Покорный (V)	$r=0.102$ ($p=0.579$)
Зависимый (VI)	$r=0.100$ ($p=0.587$)
Сотрудничающий (VII)	$r=-0.077$ ($p=0.676$)
Великодушный (VIII)	$r=0.087$ ($p=0.635$)
в безопасности и удовольствии	$r=0.219$ ($p=0.228$)
в эмоциональном общении	$r=-0.146$ ($p=0.426$)
в свободе, ориентировочная	$r=-0.082$ ($p=0.657$)
в активности и готовности к будущему	$r=0.083$ ($p=0.652$)
в доминировании	$r=0.222$ ($p=0.222$)

Приложение 2

Таблица 2

Переменные	Уровень никотиновой зависимости
в достижении	$r=-0.008$ ($p=0.966$)
в эмоциональном насыщении	$r=0.029$ ($p=0.874$)
в познании	$r=-0.090$ ($p=0.624$)
в подготовленности	$r=-0.037$ ($p=0.840$)
в статусе	$r=0.112$ ($p=0.541$)
быть личностью	$r=0.134$ ($p=0.465$)
нравственно-эстетические	$r=-0.330$ ($p=0.065$)
в смысле жизни	$r=0.049$ ($p=0.792$)
в самовыражении	$r=0.020$ ($p=0.913$)
в управлении	$r=0.241$ ($p=0.184$)
Психофизиологический	$r=0.147$ ($p=0.421$)
Социальный	$r=0.069$ ($p=0.709$)
Высший	$r=-0.059$ ($p=0.747$)
Труд	$r=0.084$ ($p=0.648$)
Общение	$r=-0.285$ ($p=0.114$)
Познание	$r=-0.213$ ($p=0.241$)
Рекреация	$r=0.265$ ($p=0.143$)
Управление	$r=0.106$ ($p=0.564$)